

УДК 328.1, 329.1

EDN: MESRGM

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22025718>

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЗАБВЕНИЕ: КРУПНЫЙ КАПИТАЛ ГЕРМАНИИ МЕЖДУ НАЦИЗМОМ И СОЦИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Владислав Борисович Белов

ИЕ РАН, Москва, Россия, e-mail: belov@instituteofeurope.ru, ORCID: 0000-0002-5096-193X

Ссылка для цитирования: Белов В.Б. Белов В.Б. Ответственность и забвение: крупный капитал Германии между нацизмом и социальной рыночной экономикой // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 2. С. 7–18. DOI: 10.15211/vestnikieran22025718

***Аннотация.** В статье рассматривается эволюция роли крупного немецкого капитала в нацистской Германии и в послевоенной ФРГ сквозь призму исторической памяти. Анализируются механизмы участия бизнеса в становлении тоталитарного режима, использовании принудительного труда и милитаризации экономики. Особое внимание уделено денацификации, амнезии в публичной и корпоративной памяти, компенсациям жертвам, а также современной политике памяти концернов-наследников. Обсуждается парадокс: несмотря на историческое участие в преступлениях, большинство компаний до сих пор избегают институционального признания вины. В заключении ставится вопрос о нравственной ответственности бизнеса перед обществом в условиях милитаризации германского штандарта. Работа призвана заполнить пробелы в отечественной историографии по исследуемой теме и актуализирует необходимость экономического измерения в дискуссии о нацизме.*

***Ключевые слова:** Германия; историческая память; крупный капитал; нацизм; денацификация; социальное рыночное хозяйство; корпоративная ответственность; принудительный труд; концерны-наследники; милитаризация.*

Статья поступила: 21.04.2025; после доработки: 30.04.2025; принята к печати: 12.05.2025.

RESPONSIBILITY AND OBLIVION: GERMANY'S BIG BUSINESS BETWEEN NAZISM AND THE SOCIAL MARKET ECONOMY

Vladislav B. Belov

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: belov@instituteofeurope.ru, ORCID: 0000-0002-5096-193X

To cite this article: Belov, V.B. (2025). Responsibility and oblivion: Germany's big business between Nazism and the social market economy. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN 44(2): 7–18. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran22025718

© Белов В.Б. – к.э.н, в.н.с., член дирекции ИЕ РАН, руководитель Отдела страновых исследований, руководитель Центра германских исследований ИЕ РАН.

Abstract. *This article examines the evolution of the role played by German big business in Nazi Germany and in the post-war Federal Republic through the lens of historical memory. It analyzes the mechanisms of corporate involvement in the consolidation of the totalitarian regime, the use of forced labour, and the militarization of the economy. Particular attention is given to the processes of denazification, amnesia in public and corporate memory, compensations to victims, and contemporary memory politics pursued by successor companies. The article highlights the paradox that, despite documented involvement in Nazi crimes, most companies still avoid institutional acknowledgment of guilt. In conclusion, the issue of moral responsibility of business toward society is raised in the context of renewed militarization of Germany's Standort. The study seeks to address a gap in Russian economic historiography and emphasizes the need to integrate the economic dimension into discussions on the legacy of Nazism.*

Key words: *Germany; historical memory; big business; Nazism; denazification; social market economy; corporate responsibility; forced labour; industrial conglomerates; militarization.*

Article received: 21.04.2025; revised: 30.04.2025; accepted: 12.05.2025.

Память как вызов и зеркало

Историческая память в ФРГ о роли крупного бизнеса в нацистской Германии остаётся фрагментарной и выборочной. В то время как военные и политические аспекты вины относительно хорошо проработаны, участие экономических акторов в нацистских преступлениях часто замалчивается или нейтрализуется через мемориальные эвфемизмы. Этот дисбаланс в немецкой коллективной памяти представляет собой не только исследовательский, но и этический вызов.

Культура памяти в Германии после Второй мировой войны развивалась в условиях противоречий между необходимостью осмысления прошлого и стремлением к экономическому восстановлению. В результате участие крупных корпораций в поддержке нацистского режима и эксплуатации принудительного труда оказалось на периферии общественного сознания.

Современные исследования подчёркивают важность интеграции экономического аспекта в дискурс памяти о нацизме. Без признания и осмысления роли бизнеса в преступлениях Третьего рейха невозможно полное понимание механизмов функционирования тоталитарного режима и предотвращение повторения подобных ошибок в будущем¹.

Таким образом, обращение к теме ответственности крупного капитала в нацистской Германии является неотъемлемой частью процесса исторического переосмысления и важным шагом на пути к формированию более полной и честной коллективной памяти. Настоящая работа дополняет отечественные исследования, посвящённые этой теме (см., например: Колесов и др. 2018). Её особенность – в анализе экономической составляющей исторической памяти Германии, особенно той части, которая связана с осмыслением её довоенной, военной и послевоенной истории как обществом, так и наследниками германских концернов, участвовавших в преступлениях нацизма. Таких работ в отечественной историографии пока нет.

Роль капитала в приходе Гитлера к власти

Экономическое измерение прихода национал-социалистов к власти долгое время остава-

¹ Различные аспекты роли германского капитала в становлении нацистского режима исследовались советскими и российскими германистами. Обратим внимание на следующие работы: (Анатомия войны: Новые документы о роли... 1971; Баев 2017; Богдашкин 2012; Галкин 1989; Марченко 2012; Мельников, Черная 1987).

лось в тени политических и идеологических интерпретаций. Однако отдельные исторические исследования последних десятилетий показывают, что поддержка со стороны промышленной и банковской элиты сыграла важную, если не решающую роль в стабилизации и институционализации режима. Крупный капитал Германии увидел в Национал социалистической немецкой рабочей партии (НСНПП – нем. *NSDAP*)¹ не столько идеологическую силу, сколько инструмент для преодоления кризиса Веймарской демократии, обуздания рабочего движения и восстановления «порядка» (см., например: Abelshauser 2004; Tooze 2008).

Ключевым эпизодом, иллюстрирующим этот альянс, стала знаменитая встреча 20 февраля 1933 г. в резиденции Гитлера в здании рейхсканцелярии². По инициативе Германа Геринга на встречу были приглашены 27 представителей крупнейших немецких компаний и банков, включая таких «китов» капитализма, как: Густав Крупп фон Болен и Хальбах, председатель правления *Friedrich Krupp AG*, председатель президиума Имперского союза германской промышленности и член его правления Хуго Стиннес-младший, он же – член Наблюдательного совета Рейнско-Вестфальского угольного синдиката; Альберт Феглер, первый председатель правления *United Stahlwerke AG*; Фриц Спрингорум, председатель правления и генеральный директор *Hoesch AG*; Альберт Феглер, первый председатель правления *United Stahlwerke AG*; Август Ростерг, генеральный директор *Wintershall AG*; Георг фон Шницлер, член правления *IG Farbenindustrie*; Фриц фон Опель, член правления *Adam Opel AG*; Гюнтер Квандт, крупный промышленник; Фридрих Флик, глава *Flick AG*; Август фон Финк, член многочисленных наблюдательных и экспертных советов. Организатором встречи выступил Ялмар Шахт, бывший и будущий президент Рейхсбанка. Речь шла о необходимости обеспечить финансирование избирательной кампании НСНПП, а также близкого к ней альянса «Чёрно-бело-красный боевой фронт»³. В итоге в тот же день было собрано около 3 млн рейхсмарок (Hitler und 27 Industrielle... 2021). Эти средства были переданы через трастовый фонд, управляемый Шахтом, и использовались для агитации и пропаганды.

Это была не спонтанная акция, а целенаправленная инвестиция германского капитала в новую политическую конфигурацию. Встреча стала ключевым моментом в процессе финансовой помощи со стороны немецких промышленников, обозначив заключение неформального союза между нацистской партией и крупным бизнесом, что сыграло значительную роль в укреплении власти Гитлера и установлении тоталитарного режима⁴. Такая позиция крупных

¹ Нем. *NSDAP* – *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*.

² Австралийский исследователь Э. Дж. Боннел подчёркивал, что предтечей этого события стала встреча Гитлера с бывшим рейхсканцлером Францем фон Паппеном в Кёльне 4 января 1933 г. Переговоры были организованы при помощи влиятельного местного банкира Курта фон Шрёдера. Эта встреча покончила с политической изоляцией Гитлера. Карл-Дитер Бахен назвал эту встречу «часом рождения Третьего Рейха». Важно, что Шрёдер уже в конце 1932 г. активно обсуждал с деятелями крупного бизнеса перспективы формирования «национального правительства» с участием НСНПП, тесно сотрудничая с Вильгельмом Кеплером – главой нацистского бизнес-лобби (Боннел 2014). 30 января 1933 г. рейхспрезидент Германии Пауль Гинденбург назначил рейхсканцлером (главой правительства) лидера национал-социалистов Адольфа Гитлера. Президентским декретом 1 февраля был распущен рейхстаг и назначены новые выборы.

³ Нем. *Die Kampffront Schwarz-Weiß-Rot*.

⁴ В 1932 г. Гитлер высказался за создание «исследовательской группы по экономическим вопросам». Один из его ближайших сподвижников и будущий советник по экономике Вильгельм Кепплер реализовал эту идею, создав т.н. «Круг друзей рейхсфюрера СС» (нем. *Freundeskreis Reichsführer SS*). Фактически это была группа германских промышленников, преследовавших цель укреплять связи нацистской партии с отечественным бизнесом и индустриальным сектором. Одним из самых её активных участников был глава концерна *Flick AG* Ф. Флик. С 1935 г. группа действовала в тесном контакте и под патронажем Генриха Гиммлера, который был другом Кепплера (поэтому она была также известна под названием «Круг друзей Гиммлера» (нем. *Freundeskreis Himmler*)). С 1936 по 1944 г. члены кружка регулярно жертвовали около 1 млн марок в год Гиммлеру для расходования «вне бюджета». Некоторые из них, включая Флика, использовали с выгодой для себя нацистскую политику «арииза-

корпораций обеспечила нацистам не только ресурсную базу, но и важнейший фактор легитимности в глазах значительной части буржуазного общества.

Гитлер фактически заручился поддержкой ведущих промышленников для финансирования предстоящих выборов в рейхстаг 5 марта 1933 г. На них нацисты, как и надеялись, получили большинство¹. Это позволило принять заранее подготовленный Закон о чрезвычайных полномочиях, который фактически наделял фюрера ролью диктатора. Гитлер заранее обещал промышленникам устранение коммунистической угрозы, восстановление порядка и поддержку частной собственности. Поэтому представители германской индустрии и сделали ставку на приход нацистов к власти, которая должна была принести экономическую стабильность, уничтожить профсоюзы, пресечь влияние коммунистов и социал-демократов, а также обеспечить жёсткий порядок, необходимый для восстановления промышленности².

Уже 4 апреля 1933 г. началась подготовка к войне – был создан секретный «Совет обороны рейха», а Густав Крупп, который придерживался традиций своей семьи, ковавшей оружие для прусско-германских монархий ещё в XIX в., взял на себя вопросы, связанные с финансированием нацистов. 1 июня вместе с Мартином Борманом в продолжение идей встречи 20 февраля он организовал пожертвование в 1 млн рейхсмарок в пользу лично А. Гитлера. Его сделали Союз объединений немецких работодателей и Имперский союз германской промышленности. Крупп встал во главе Попечительского совета данной инициативы (она так и не была институционализирована). В дальнейшем он контролировал передачу денег фюреру, который распоряжался ими по своему усмотрению. Отчисления делались из фонда зарплаты компаний. Всего за 1933–1945 гг. было «пожертвовано» 700 млн рейхсмарок. Кроме того, Крупп от имени и по поручению упомянутого Имперского союза 25 апреля 1933 г. передал нацистскому правительству разработанный его командой «План реорганизации германской экономики». Его основная цель – обеспечить совмещение «экономических замыслов Гитлера с политической необходимостью» (Krupp organisierte die Finanzierung... 2010).

Участие капитала в становлении тоталитарной системы не ограничивалось лишь финансированием. Уже в 1932–1933 гг. наметилось тесное сотрудничество между партийными структурами и руководством концернов, особенно в сфере госзаказов, инфраструктурных проектов и милитаризации экономики. Тем самым бизнес не просто поддержал диктатуру, но стал её органической частью, формируя экономическую архитектуру национал-социализма. В современной ФРГ эта тема по-прежнему остаётся чувствительной. Немногие компании признали своё участие в финансировании нацистов. Архивы тех лет зачастую неполны, ин-

ции» предприятий, принадлежавших их конкурентам еврейского происхождения (Stallbaumer 2002).

¹ 27 февраля 1933 г. произошёл поджог Рейхстага, в котором обвинили коммунистическую партию. После этого в Германии началась кампания жёсткого террора против левых сил – коммунистов и социал-демократов. 28 февраля рейхспрезидент Гинденбург издал два декрета: «О защите народа и государства» и «Против предательства немецкого народа и происков изменников родины». Эти события обеспечили победу НСДАП. После выборов специальным постановлением была запрещена Коммунистическая партия Германии, мандаты её депутатов аннулированы, около четверти оппозиционных нацистам депутатов СДПГ было арестовано, выслано или вынужденно ушло в подполье.

² В 1932–1938 гг. внутренний валовой продукт Германии рос в среднем на 9,5% в год, промышленное производство – на 17%. ВВП предкризисного 1929 г. удалось превзойти в 1936 г. Безработица, достигавшая в 1933 г. 6 млн человек (20% от трудоспособного населения), в 1934 г. сократилась уже до 12,5%; в 1938 г. она составила менее 1%. Инфляции в потребительском секторе не было, реальные зарплаты увеличились на 21%, доходы на душу населения – на 40%. Такой экономический эффект был достигнут за счёт увеличения ожидаемых германским капиталом военных расходов государства. В 1935–1938 гг. они обеспечили 47% роста ВВП. На них пришлось 67% всех капиталовложений в экономику. В 1935 г. 70% товаров и услуг, закупленных рейхом у германских концернов, предназначалось для вермахта, в 1938 г. – 80% (Чиркова 2013).

Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2025, № 2

терпретации размыты, а формулировки – осторожны. Но без осознания того, как именно элита германского бизнеса способствовала приходу Третьего рейха к власти, невозможно честное обсуждение темы ответственности капитала перед историей и обществом.

Экономика уничтожения: участие в войне и эксплуатации

С приходом нацистов к власти немецкий капитал оказался не просто встроен в государственный аппарат – он стал важнейшим элементом экономики тотальной войны. Национал-социализм превратил промышленную мощь Германии в инструмент агрессии и уничтожения, а крупные корпорации – в осознанных участников этих процессов.

Концерн *Krupp*¹ играл центральную роль в обеспечении вермахта техникой, вооружением, логистикой и инфраструктурой. *IG Farbenindustrie* производил синтетический каучук и бензин, а также «Циклон Б» для газовых камер; *Rheinmetall* выпускал артиллерию, танки и снаряды; *Siemens* и *AEG* создавали системы связи, электронику и оборудование, в т.ч. для концлагерей. *Deutsche Bank* участвовал в конфискации собственности и финансовом обслуживании режима.

Ключевым ресурсом нацистской экономики стал принудительный труд. По оценкам различных источников, от 10 до 12 млн человек с оккупированных территорий были использованы в качестве бесплатной или полубесплатной рабочей силы. Среди них – оstarбайтеры из СССР, польские и югославские рабочие, пленные, а также узники концлагерей и гетто. Эта эксплуатация носила системный характер: компании получали рабочую силу от СС, вели учёт, встраивали принуждение в производственные циклы.

Одним из символов этого сотрудничества стала промышленная зона *IG Farben* при комплексе концентрационных лагерей в польском Освенциме (Аушвиц I, II, III), где заключённые трудились в нечеловеческих условиях, а смертность исчислялась тысячами (Ройшель 1978). *Porsche* и *Daimler* также активно использовали труд военнопленных. *Siemens* обеспечивал электротехническое оборудование для крематориев.

Принудительный труд не был временной мерой – он стал опорой нацистской экономики. Без него невозможно было бы поддерживать объёмы военного производства в условиях тотальной мобилизации. Более того, он приносил высокую норму прибыли, которую компании получали благодаря государственным заказам, выполняемым при минимальных издержках.

Историческая реконструкция этих процессов по-прежнему возможна. Есть солидные архивные материалы, расследования союзников, задокументированные воспоминания узников, отдельные корпоративные исследования. Но до сих пор немало документов скрыто, а многие аспекты взаимодействия компаний с нацистским государством остаются неосмысленными.

Экономика Третьего рейха не только мобилизовала ресурсы, но и индустриализировала уничтожение людей. Без участия частного сектора эта машина не могла бы функционировать. И в этом – ключевая точка для осознания неразделённой ответственности.

Денацификация: от трибунала к реабилитации

После капитуляции нацистской Германии в 1945 г. союзники поставили перед собой за-

¹ Справедливо считается, что Г. Крупп был самым активным сторонником Гитлера. Фюрер отвечал взаимностью. Неслучайно именно Крупп получал в т.н. «надзорное управление» наиболее ценные промышленные активы на оккупированной советской территории. Например, в его ведении находились машиностроительный завод в Краматорске, металлургические предприятия Азовстали I и II, а также трубный завод им. Куйбышева в Мариуполе (Pätzold 2007). В 1943 г. его сын Альфрид стал председателем директората концерна, а затем его единственным собственником.

дачу денацификации не только политических и военных структур, но и экономической элиты, активно сотрудничавшей с Третьим рейхом. В рамках последующих Нюрнбергских процессов был организован ряд отдельных судебных разбирательств в отношении представителей деловых кругов. Среди них наиболее известными стали процессы над А. Круппом, Ф. Фликом и *IG Farbenindustrie*¹.

Однако при всей значимости этих трибуналов их результаты оказались ограниченными. Приговоры были гораздо мягче, чем ожидалось. А. Крупп, обвинённый в использовании принудительного труда и военных преступлениях, получил 12 лет заключения, но уже в 1951 г. был досрочно освобождён и в 1953 г. вернулся к управлению концерном. Аналогично сложились судьбы ряда других фигурантов, в первую очередь Ф. Флика, чья бизнес-империя процветала при Гитлере и поддерживала нацистский режим. В рамках Нюрнбергского процесса он был признан виновным в военных преступлениях и 22 декабря 1947 г. приговорён к семи годам тюремного заключения (с учётом отбытого срока). Однако уже 25 августа 1950 г. досрочно вышел на свободу и успешно возобновил предпринимательскую карьеру в ФРГ, удостоившись впоследствии множества наград, в т.ч. государственных.

Два основных промышленника – старший Крупп и Флик, которые привели фюрера к власти и обеспечили финансирование и лично его, и всего нацистского аппарата, и слаженную работу предприятий военного комплекса, так и не получили объективной оценки в исторической памяти (западно)германского общества.

Денацификация в западных зонах сопровождалась и параллельным процессом реструктуризации экономики: под давлением США и Великобритании усиливался интерес к восстановлению промышленного потенциала Германии как барьера против советского влияния. Это во многом определило стремление к скорейшей реабилитации экономических лидеров и их возвращению в управленческую элиту.

В советской зоне подход был иным: предприятия, принадлежавшие промышленникам, активно сотрудничавшим с нацистами, подвергались национализации. Однако при этом денацификация не сопровождалась столь подробным судебным разбором персональной вины бизнесменов. Экономическая система ориентировалась на полное обновление, а не на переосмысление недавнего прошлого.

Таким образом, в обеих частях Германии вопросы корпоративной вины и участия бизнеса в преступлениях нацизма оказались недостаточно проработанными. На Западе – из-за политических и экономических компромиссов, на Востоке – из-за идеологической реконструкции и упора на структурные трансформации.

Послевоенные десятилетия продемонстрировали, что денацификация бизнеса закончилась не правосудием, а компромиссом. В условиях холодной войны и стремительного восстановления экономики произошла своеобразная реабилитация не только персоналий, но и самих институтов – концернов, банков, производственных объединений. Это стало основой для амнезии, о которой будет идти речь в следующем разделе.

¹ Отец Альфрида Г. Крупп (1870 г.р.) был объявлен одним из основных 22 нацистских военных преступников на Нюрнбергском процессе 1945 г., который проводил Международный военный трибунал (МВТ). Но он был освобождён, поскольку к тому времени был прикован к постели, страдал старческим слабоумием и считался непригодным для суда по состоянию здоровья. Обвинения против него были отложены на случай, если он впоследствии будет признан пригодным для суда. Умер в 1950 г. Суд над А. Круппом (1907 г.р.) был организован в рамках 12 судебных процессов, проходивших в военных судах США, а не в МВТ, но в тех же залах во Дворце правосудия Нюрнберга. Их официальные названия «Суды над военными преступниками в Нюрнбергских военных трибуналах». Процесс над А. Круппом стал последним из трёх процессов над немецкими промышленниками; двумя другими были процесс Флика и процесс *IG Farben*.

Коллективная амнезия 1950–1980-х гг.

Послевоенная ФРГ быстро вошла в фазу стремительного подъёма экономики, получившего в историографии название *Wirtschaftswunder* – экономического чуда. Однако этот феномен стал не только символом восстановления страны, но и мощным фактором вытеснения памяти о преступлениях нацизма, особенно о роли в них бизнеса.

В 1950–1970-е гг. доминирующим нарративом стало представление о восстановлении национального достоинства через труд, экспорт, инновации и рост доходов. Героями эпохи стали менеджеры и промышленники, некогда связанные с Третьим рейхом: Альфрид Крупп в 1953 г. вновь возглавил свой концерн¹, Фридрих Флик продолжил расширять бизнес-империю, Карл Хан (*Volkswagen*), Герман Абс (*Deutsche Bank*) и другие активно участвовали в строительстве новой социально-ориентированной хозяйственной модели Людвиг Эрхарда. Но их прошлое либо замалчивалось, либо объяснялось необходимостью «компромиссов во имя будущего».

Политическая обстановка холодной войны также способствовала замене моральной ответственности прагматическим курсом: Запад нуждался в сильной, индустриальной ФРГ как барьере против СССР. Это означало, что вопрос о моральной ответственности бизнеса за участие в нацистских преступлениях считался закрытым – если не юридически, то фактически.

Особую роль в такой амнезии сыграло отсутствие публичных дискуссий. Образовательные программы Федерального ведомства политического образования долгое время концентрировались на военных и дипломатических аспектах, оставляя экономику на периферии. Лишь отдельные журналистские расследования или работы гражданских активистов поднимали тему принудительного труда на предприятиях в годы войны.

Компенсации оstarбайтерам и другим жертвам промышленной эксплуатации были, как правило, символическими и запоздалыми. Только в 2000 г. был учреждён Фонд «Память, ответственность и будущее»², в рамках которого начался процесс выплат. Однако большинство жертв к тому времени либо умерли, либо были исключены из процедуры по формальным критериям (*Stiftung Erinnerung... 2025*).

Выплаты осуществлялись с 2001 по 2007 г. В рамках программы компенсации их получили около 1,66 млн человек из более 90 стран. Но их уровень был крайне невысоким – в среднем от 2 до 7 тыс. немецких марок на человека, что подчёркивало, скорее, символический, чем репарационный характер инициативы (*Entschädigung – Hintergrundinformationen... 2025; Leistungsprogramm der Stiftung...*).

В полной мере это можно отнести и к решению германского бундестага в мае 2015 г. Депутаты поддержали предложение исполнительной власти предоставить денежную компенсацию бывшим советским военнопленным. Инициатива была одобрена Комитетом по бюджету парламента. Речь шла о 10 млн евро – «каждому из 4 тыс. выживших» по 2,5 тыс. евро. Такая акция была призвана ознаменовать «уважение» 70-летней годовщины Победы. Но не в Великой Отечественной войне, а во Второй мировой. Гернот Эрлер, представитель правительства ФРГ по межобщественному сотрудничеству с РФ и странами бывшего СССР, заявил, что тем самым «признаётся великая несправедливость и выражается наше уважение к тяжёлой судьбе тех, кто пострадал». Ни слова о преступлениях нацистского режима и о тех, кто его поддерживал, в т.ч. используя труд военнопленных, сказано не было. Через десять лет не по-

¹ В 1968 г. компания стала акционерным обществом. Право собственности было передано Фонду Альфрида Круппа фон Болен и Гальбаха. В 1992 г. она впервые стала публичной после слияния с *Hoesch AG*. В 1999 г. концерн объединился с *Thyssen AG*, в результате которого возник промышленный конгломерат *ThyssenKrupp AG*.

² Нем. *Erinnerung, Verantwortung und Zukunft, EVZ*.

следовало даже признания властями ФРГ «несправедливости» (Germany will pay... 2015).

Таким образом, коллективная амнезия продолжается. Она касается не только забвения вины, но и активного создания «новой идентичности» ФРГ, в которой крупный капитал представлялся опорой демократии, а не частью тоталитарного наследия. Первая фаза попыток борьбы с этим явлением оформилась лишь к началу 1990-х гг., когда волна исторических и гражданских инициатив начала постепенно возвращать вопросы ответственности в общественное пространство. В рамках второго почти 30-летнего периода в критической оценке исследуемого вопроса заметных успехов не достигли. Были предприняты отдельные шаги, больше похожие на попытки откупиться от стремления активной части немецкого гражданского общества заставить представителей ведущих германских концернов начать реальное, а не формальное осмысление преступлений в 30-е – первой половине 40-х годов XX в.

Вторая жизнь старых имён: от *Panzer* к *Rheinmetall 2024*

С начала 2020-х гг. Германия вновь активно наращивает военную промышленность. Увеличение оборонного бюджета, участие в поставках вооружения в зону конфликта на постсоветском пространстве, стратегические соглашения с союзниками ЕС и НАТО – всё это означает возвращение военно-промышленного комплекса в орбиту формирования хозяйственно-политического германского пространства. На этом фоне вновь встаёт вопрос о том, какие компании формируют новый т.н. «оборонный» курс и какова их история.

Одним из лидеров современной милитаризации стал концерн *Rheinmetall* – прямой наследник *Rheinmetall-Borsig*, поставлявшего вооружения, в первую очередь орудия для вермахта. Компания, активно сотрудничавшая с нацистским режимом и использовавшая принудительный труд оstarбайтеров и заключённых, сегодня вновь занимает ключевое место в производстве бронетехники, артиллерийских систем и боеприпасов¹. В 2024 г. *Rheinmetall* объявил о строительстве завода на территории Украины. Впервые со времён Второй мировой войны немецкий военный концерн при поддержке государства размещает свои мощности на территории бывшего СССР. Этот факт сам по себе требует серьёзного исторического и политического осмысления, особенно с учётом милитаристской риторики нынешнего генерального директора концерна Армина Папергера (*Rheinmetall boomt...* 2025).

Другие крупные игроки также демонстрируют амбивалентное отношение к собственной истории. Компания *Porsche*, известная в годы нацизма проектированием и производством бронетехники, сегодня является символом немецкой «зелёной» мобильности и технологического прогресса. Однако в публичном пространстве тема участия в военных разработках Третьего рейха практически не звучит. Аналогичным образом *Siemens*, активно поставлявший электрооборудование в лагеря смерти и использовавший принудительный труд, остаётся ведущим брендом в энергетике, автоматизации и цифровых технологиях, но избегает системной работы с историческим наследием. Примером «удобного забвения» служат и такие компании, как *BMW*, *Bayer*, *BASF*, *MAN*, *MTU*, *Continental*. Многие из них – прямые наследники военных поставщиков нацистской Германии (Ройшель 1978). Некоторые из этих концернов формально упоминают о своей истории в архивах или корпоративных исследованиях, но ре-

¹ На сайте концерна есть раздел, с описанием нацистского периода и ссылкой на два тома, посвящённых истории концерна и опубликованных к его 125-летию в 2014 г. Приводится выдержка из первого тома, в котором этот период освещается. Можно ознакомиться с главой, в которой рассказывается о принудительном труде заключённых и оstarбайтеров. Никаких признаков покаяния и осуждения со стороны преступного поведения руководства концерна в годы войны. Почти сплошная забота о «трудящихся». С текстом можно ознакомиться: (*Fremd- und Zwangsarbeiter...* 2014). Критику описанного в первом томе нацистского периода см. также: (*Rheinmetall und die Verstrickung in den Hitlerfaschismus...* 2025).

альных мемориальных практик (музеев, центров документации, обязательных образовательных программ) почти не существует.

Таким образом, мы наблюдаем ренессанс старых имён в новом стратегическом контексте. Внешне – это адаптация к вызовам времени. Но без рефлексии о прошлом подобное приспособление превращается в перезапуск старой формулы, только без учёта исторической ответственности. Становится очевидным: без исторической честности нынешнее реформируемое хозяйственно-политическое германское пространство рискует обрести не устойчивость, а иллюзию обновления.

Кто осмыслил, кто нет

На фоне роста влияния ВПК в немецкой экономике, которое является предтечей её возможной милитаризации, и возвращения исторических имён в публичный дискурс вопрос об осмыслении корпоративной вины становится не риторическим, а принципиальным. Немецкий бизнес сегодня стоит перед нравственным выбором: либо признать ответственность и работать с исторической памятью, либо продолжать линию молчаливого дистанцирования.

В этой дилемме отчётливо выделяется один пример – концерн *Volkswagen*. Уже в 1990-е гг. компания начала систематическую работу по изучению своего участия в нацистской системе. На базе архивов были проведены научные исследования, опубликованы независимые доклады, основан Центр памяти в Вольфсбурге. В 2000-х гг. именно *Volkswagen* выступил активным организатором упомянутого Фонда «Память, ответственность и будущее», предоставив значительные средства для компенсаций жертвам принудительного труда. Мемориальная работа стала частью внутренней культуры компании, а не пиар-акцией.

Противоположной стратегией руководствуются другие гиганты – от наследников производителя газа «Циклон» лидеров немецкой химии *Bayer* и *BASF* до *BMW*, *MAN*, *Continental*, *Siemens*, *MTU* и *Daimler*. Лишь в отдельных случаях были опубликованы исторические исследования по заказу самих компаний, но чаще они носили закрытый характер и не повлекли за собой никаких мемориальных или образовательных инициатив. В некоторых корпоративных музеях – как у *BMW* или *BASF* – нацистский период представлен сдержанно или вовсе опущен.

Siemens, крупнейший производитель электротехники в годы Третьего рейха и поставщик оборудования для концлагерей, до сих пор не имеет открытого мемориального пространства, посвящённого жертвам, трудившимся на его производствах. О компании *AEG*, влившейся в этот концерн, и вовсе вспоминают только историки (Хауч 1982).

Исключительно формальный подход применяют и уже неоднократно упомянутые прямые наследники одного из крупнейших преступных корпоративных образований в истории концерна *IG Farben* (Hayes, 1984) – компании *Bayer* и *BASF*. Они дистанцируются от его нацистского прошлого, ссылаясь на правопреемство в юридическом, но не в моральном смысле.

Таким образом, большинство крупных компаний, вовлечённых в нацистскую экономику, либо игнорируют это прошлое, либо стараются обозначить безопасную дистанцию. Это не просто «историческая слабость», а сознательный выбор – избегать нравственной оценки, чтобы не затрагивать репутационные, политические и коммерческие интересы в настоящем. Но в современном обществе, особенно в условиях политических вызовов и роста международного внимания к историческим вопросам, подобное поведение не может оставаться без критики. Молчание – это форма участия. Отказ от осмысления – это форма продолжения старой традиции, только в новой упаковке.

Заключение: память как ответственность, а не алиби

Историческая память – это не музейная опция, а нравственная необходимость. Для Германии, как и для всей Европы, осмысление нацистского прошлого остаётся фундаментом легитимности современного общества, его институтов и международной позиции. Однако когда речь заходит о бизнесе, особенно о крупных корпорациях, этот фундамент оказывается в трещинах. Ответственность капитала за участие в нацистской системе не только юридическая и экономическая, но прежде всего – нравственная. Она не может быть возмещена разовыми выплатами, частичными докладами или архивными акциями. Это процесс, требующий публичности, постоянства и признания: кто, как и с какой выгодой был частью машины уничтожения.

Современная милитаризация германского хозяйственно-политического штандорта, наращивание военного производства, экспорт оружия в зону конфликта на постсоветском пространстве, возвращение *Rheinmetall* образца 2024–2025 гг. в актуальную политическую повестку – всё это ставит перед Германией вопрос: чему научила её история? Можно ли строить будущее, не завершив диалог с прошлым? И если капиталы тех времён перешли в наследство современным корпорациям, то передалась ли им и память?

Память не должна быть алиби – она должна быть зеркалом. Она не освобождает, но помогает не повторять. Она – не акт покаяния, но акт зрелости.

Мы не предлагаем возложить всю вину на бизнес и только на него. Но без признания его роли невозможна честная историческая картина. Без этого признания мы рискуем вновь столкнуться с идеологией, для которой прибыль важнее жизни, выгодный контракт – важнее совести, а эффективность – важнее памяти.

В год 80-летия Великой Победы, когда по-прежнему одни памятники пытаются снести, а другие используются как политические декорации, задача историков, аналитиков, исследователей – вернуть экономическую компоненту исторической памяти в центр обсуждения. Не только как свидетельство прошлого, но и как предупреждение будущему.

В Германии явно назрела необходимость институционализировать мемориальную работу на уровне корпораций. Такие элементы, как обязательные внутренние исторические отчёты, корпоративные центры памяти, публичные извинения и включение темы ответственности в систему подготовки менеджеров, могут стать действенным инструментом не только в работе с прошлым, но и в формировании этически устойчивого будущего немецкого (и европейского) бизнеса. Хотелось бы, чтобы это послание дошло до адресатов.

Список литературы / References

Abelshauser, W. (2004). *Deutsche Wirtschaftsgeschichte seit 1945*. München: C.H. Beck.

Aly, G. (2005). *Hitlers Volksstaat: Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus*. Frankfurt a.M.: Fischer.

Entschädigung – Hintergrundinformationen. Zwangsarbeitarchiv. 2025. Available at: <https://www.zwangsarbeit-archiv.de/zwangsarbeit/entschaedigung/entschaedigung-2/index.html> (accessed 18.04.2025).

Fremd- und Zwangsarbeiter. Rheinmetall-Borsig in der Zeit des Nationalsozialismus. Greven Verlag Köln GmbH. 2014. P. 385–427. Available at: <https://www.rheinmetall.com/Rheinmetall%20Group/Unternehmen/Historie/Rheinmetall-Kapitel-2-1-10-Fremd-und%20Zwangsarbeiter.pdf> (accessed 18.04.2025).

Germany will pay compensation to former Soviet prisoners of war. Topwar. 21.05.2015. Available at: <https://en.topwar.ru/75354-germaniya-vyplatit-kompensaciyu-byvshim-sovetskim->

voennoplennym.html (accessed 18.04.2025).

Gesetz zur Errichtung einer Stiftung «Erinnerung, Verantwortung und Zukunft». Bundesministerium der Justiz, Bundesamt für Justiz. 02.08.2000. Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/evzstiftg/BJNR126300000.html> (accessed 18.04.2025).

Hayes, P. (1987). *Industry and Ideology: IG Farben in the Nazi Era*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hitler und 27 Industrielle: Geheimgespräch am 20. Februar 1933. Vereinigung der Verfolgten des Naziregimes – Bund der Antifaschistinnen und Antifaschisten. 22.02.2021. Available at: <https://verbrechen-der-wirtschaft.vvn-bda.de/2021/02/22/hitler-und-27-industrielle-geheimgesprach-am-20-februar-1933/> (accessed 18.04.2025).

Krupp organisierte die Finanzierung des Nazi-Regimes und zog Profite aus der Barbarei. Verbrechen der Wirtschaft. 25.05.2010. Available at: http://www.verbrechen-der-wirtschaft.de/texte/0031_krupp.htm (accessed 18.04.2025).

Leistungsprogramm der Stiftung «Erinnerung, Verantwortung und Zukunft». Das Bundesarchiv. Available at: <https://www.bundesarchiv.de/zwangsarbeit/leistungen/direktleistungen/leistungsprogramm/index.html> (accessed 18.04.2025).

Pätzold, K. (2007). *Installateure und Profiteure der Macht*. Junge Welt. 08.12.2007.

Rheinmetall boomt: Wie der NRW-Rüstungskonzern expandiert. WDR. 12.03.2025. Available at: <https://www1.wdr.de/nachrichten/rheinmetall-boom-100.html> (accessed 18.04.2025).

Rheinmetall und die Verstrickung in den Hitlerfaschismus. Internetz-Zeitung. 2025. Available at: <https://internetz-zeitung.eu/8098-rheinmetall-und-die-verstrickung-in-den-hitlerfaschismus> (accessed 18.04.2025).

Stallbaumer L.M. (2002) Frederick Flick's Opportunism and Expediency. DIMENSIONS. A Journal of Holocaust Studie, Vol. 13, No. 2. Available at: https://web.archive.org/web/20041219072628/http://www.adl.org/braun/dim_13_2_flick_print.asp (accessed 18.04.2025).

Stiftung Erinnerung, Verantwortung und Zukunft (EVZ). EVZ. Berlin. 2025. Available at: <https://www.stiftung-evz.de/> (accessed 18.04.2025).

Tooze, A. (2008). *Ökonomie der Zerstörung: die Geschichte der Wirtschaft im Nationalsozialismus*. Pantheon, München.

Анатомия войны: Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении Второй мировой войны. Под ред. Г.Я. Александрова и М.О. Рагинского. М.: Прогресс, 1971. [Alexandrov, G.Ya., Raginsky, M.O. (eds.) (1971). *Anatomy of War: New Documents on the Role of German Monopolistic Capital in the Preparation and Conduct of the Second World War*. Moscow: Progress. (In Russian)].

Баев, В.Г. (2017). Экономическая конституция нацистской Германии // Экономика и право 4(125): 120–132. [Baev, V.G. (2017). *The Economic Constitution of Nazi Germany*. Economics and Law 4(125): 120–132. (In Russian)]. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.120-132

Богдашкин, А.А. (2012). Историография СССР второй половины XX века о роли крупного бизнеса в приходе Гитлера к власти в Германии // Сова 4(15): 61–69. [Bogdashkin, A.A. (2012). *Soviet Historiography of the Second Half of the 20th Century on the Role of Big Business in Hitler's Rise to Power in Germany*. Sova 4(15): 61–69. (In Russian)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriografiya-sssr-vtoroy-pолоviny-hh-veka-o-rol-i-kрупnogo-biznesa-v-prihode-gitlera-k-vlasti-v-germanii> (accessed 18.04.2025).

Боннел, Э. Дж. (2014). Германские элиты и захват власти нацистами в 1933 г. // Сова 4(23): 172–173. [Bonnell, E.J. (2014). *German Elites and the Nazi Seizure of Power in 1933*. Sova 4(23): 172–173. (In Russian)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/germanskie-elity-i-zahvat>

vlasti-natsistami-v-1933-g (accessed 18.04.2025).

Галкин, А.А. (1989). Германский фашизм. М.: Наука. [Galkin, A.A. (1989). German Fascism. Moscow: Nauka. (In Russian)].

Колесов, Д.И., Маслова, И.И., Сухова, О.А., Шиманская, О.К. (2018). Историческая память о Второй мировой войне в Германии: этапы формирования // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки 1(45): 89–104. [Kolesov, D., Maslova, I., Sukhova, O., Shimanskaya, O. (2018). Historical Memory of the Second World War in Germany: Stages of Formation. Izvestiya of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities 1(45): 89–104. (In Russian)]. DOI: 10.21685/2072-3024-2018-1-9

Марченко, А.Н. (2012). К вопросу об экономической конституции Третьего рейха // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу» 5: 47–56. [Marchenko, A.N. (2012). On the Economic Constitution of the Third Reich. Electronic Supplement to the Russian Law Journal 5: 47–56. (In Russian)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ekonomicheskoy-konstitutsii-tretiego-reyha> (accessed 18.04.2025).

Мельников, Д.Е., Черная, Л.Б. (1987). Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. М.: Политиздат. [Melnikov, D.E., Chernaya, L.B. (1987). The Empire of Death: The Apparatus of Violence in Nazi Germany, 1933–1945. Moscow: Politizdat. (In Russian)].

Ройшель, Ю. (1978). БАСФ. Анатомия международного концерна. М.: Прогресс. [Reuschel, J. (1978). BASF: Anatomy of an International Concern. Moscow: Progress. (In Russian)].

Хауч, Г. (1982). Империя «АЕГ-Телефункен». М.: Прогресс. [Hauch, G. (1982). The AEG-Telefunken Empire. Moscow: Progress. (In Russian)].

Чиркова, Е. (2013). Хайль-менеджер. Коммерсант-Деньги. 02.09.2013. [Chirkova, E. (2013). Heil-Manager. Kommersant-Dengi. 02.09.2013. (In Russian)]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2259837> (accessed 18.04.2025).